

Борис ЛЕВИТ-БРОУН

Прямая речь

A black and white portrait of a man with a shaved head, resting his chin on his hand. The portrait is set against a background of faint, sketchy drawings of faces. The man's expression is contemplative.

B. Levit

избранные
стихи

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Борис Левит-Броун

Прямая речь. Избранные стихи

«Алетейя»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Левит-Броун Б.

Прямая речь. Избранные стихи / Б. Левит-Броун — «Алетейя»,
2020 — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-143-7

Сборник «Прямая речь. Избранные стихи» представляет в целом поэтическое творчество Бориса Левита-Броуна, включая произведения из всех книг автора, вышедших в свет с 1993 по 2016 годы. Книга содержит выдержки из текущей литературной критики.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00165-143-7

© Левит-Броун Б., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

От составителя	6
Раздел 1	7
«Бог знает, сколько лет и сколько строк...»	7
«Нельзя связать любовь и жизнь...»	8
«Я выковырял небо...»	9
«Переступи порог балкона...»	10
Завет	11
«Не виноваты в том, что суетитесь...»	12
«Отражение в стекле...»	13
«Вечер, вечер, – сизая моль...»	14
Вор	15
«За каждым киоском каштановый взрыв...»	16
Рядом	17
«Мне одиночество дано...»	18
Неудачные стихи	19
«Словно кляксы смолы на облученных ветках...»	24
Поэты	25
Гениальное	26
«Вечность неслыханно тронула листики...»	27
«Сколько мне ещё осталось...»	28
«Как ни крути, а жизнь пройдёт...»	29
«Предчувствую весну, предцарствую любовь...»	30
Антиалкогольное	31
«Сад вечерний, вечный сад...»	32
Иду	33
«Отчего стало быть тяжело...»	34
«Пялюсь, пока законная ветка...»	35
Ялта	36
Извлечения	38
«Слагать мелодию, пленяться стихосказом...»	40
«Догорит и день, и час...»	41
«Зима на улице и что-то, вроде...»	42
Переулок	43
Расставание	44
Выдумка	45
«Я не вижу раздела...	46
Мы с тобой	47
«Пойми, – я только человек!..»	48
Два московских этюда	49
In vino veritas	50
«Всё меньше дней, всё больше строчек...»	51
«Всё на свете безбрежно ранимо...»	52
«Что вечер принесёт – отнимет утро...»	53
«А где-то дышала деревня...»	54
«Чей-то добрый совет...»	55
«Источник света – дальняя звезда...»	56

«Всё кануло, всё прожитое кануло...»	57
«Нисхожу восхожу...»	58
«Изваяние дня, тоскование, вечная милость...»	59
«Там ива на углу и солнечная прядь!..»	60
«Листья под ногами...»	61
«Ты уходишь вперёд, ты уходишь...»	62
«На дворе уже ночь...»	63
«Помещаю голову в шум...»	64
«...и руку дай!..»	65
«О, Господи, опять весна!..»	66
«И не вижу себя и не знаю причины...»	67
«Если было обещано...»	68
Возвращение	69
«Печалишься?..»	70
«О, сколько вам ещё придёт...»	71
«Учиться в осень тихую войти...»	72
«Я вас покину на немного...»	73
В зелёном углу	74
Ночная маета	75
«Сидеть при свече...»	76
«Разведён навсегда...»	77
«Кто ответит за нашу тоску...»	78
«Закон дождя закон слепых окон...»	79
Песенка белогвардейца	80
«Мы не знаем России...»	81
«Мне не пишет отчаянье писем...»	82
Серпентарий	83
Круг	84
Сон	85
Навсегда	86
Эмиграция	87
«Перекрёсток моей Германии...»	88
«Душа страдает наперёд...»	89
«Опускается на руки мне...»	90
Антипатмос	91
«Крыши ...крыши – в окошке глубоком...»	92
«Резвое и некошеное...»	93
«...и ещё я помню шпалы...»	94
Утешение	95
Закливание	96
«Ляг вверх лицом, и ты увидишь небо...»	97
«Облака, вы мне родичи странные!..»	98
«Известность совсем неизвестных вещей...»	99
«Ты тоскуешь о сыне...»	100
«Луна, одетая барсучьими мехами...»	101
«Ну, как могут жить поэты?..»	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Борис Левит-Броун

Прямая речь. Избранные стихи

От составителя

Великие стихи сотворены предвечно. Мы не знакомимся с ними, мы словно находим их в себе, узнаем по безошибочному ощущению выхода из плена времени, по взлёту души, игнорирующей «ризы кожаные», по слезам восторга и согласия, которые сглатываешь, «испытывая вдохновенье, почти сводящее с ума».

Лучшие стихотворения этого сборника я отношу к великой поэзии. В моей антологии русской поэзии «И только без этого жить невозможно» (1999 г.) стихи Бориса Левита-Броуна легко и естественно встали в ряд с избранными стихотворениями Георгия Иванова, Владимира Набокова, Федора Тютчева и Марины Цветаевой. Я прожила с этими стихами полжизни. У меня было достаточно времени, чтобы полюбить их и оценить, проверив на поэтическую прочность. Они возвращали мне утраченные смыслы, спасали от повседневности, лечили от ностальгии и болезней, дарили красоту. Многие из них стали моей молитвой, надеждой на спасение, открытием вечности.

Ирина Соловей

*Мне вас лелеять и беречь,
душой царапаясь о будни,
и вам в угоду всё подспудней
произносить прямую речь.*

Раздел 1
Из книги стихов
«Пожизненный дневник»
1993 год

«Бог знает, сколько лет и сколько строк...»

Бог знает, сколько лет и сколько строк
кружить вокруг да около признанья,
что жизнь – наш приговор, душа – зарок,
что одинокость – наше наказание.

Хоть каждый отчуждение несёт,
как добровольный крест,
он втайне знает:
не мы его, оно нас выбирает
и как конвойный по миру ведёт.

«Нельзя связать любовь и жизнь...»

Нельзя связать любовь и жизнь...
рука дрожит,
признание страшит,
строка заблудится...
Забудется – не сбудется, авось!
Всё врозь, покоя ради —
жизнь и любовь!
И вновь,
в какой-то неисписанной тетради,
другая юность буквы-мотыльки
неистойвой наивностью руки
нанижет на иголку строчки,
отсрочку верою у «истины» возьмёт
и полетит, и понесёт
без подозрения и меры
пушистый одуванчик веры
навстречу осени прозрений,
где правдою задует вновь,
затреплет стынущую кровь...
строка заблудится,
забудется, —
не сбудется, авось!
всё врозь —
жизнь и любовь.

«Я выковырял небо...»

Я выковырял небо
из невода ветвей
наскучив звоном чаш
чешуйчатого моря
прощения у лета
просил но увядая
язвительно шутил
расшатывал ветра
и тратил без причуд ч
удачества и бреда
не брезговал и брал
бросая и браня
тревогой без причин
причёсан против воли
вливал тоску в свой сан
вылавливал из сна
беспутный голый факт
и трезвость непощенья
и звоном панихид
озвученный ноябрь

«Переступи порог балкона...»

Переступи порог балкона
не размыкай сгоревшие уста
пусть даже твоего поклона
и не заметит темнота

качанью тополя ты не ищи названия
вглядись в эту распластанную ночь
пусть медленно до твоего сознания
дойдёт
 что некому тебе помочь

Завет

Провести одиноко
прожить незаметно
и умереть

разбудить чью-то душу
сложить свою песню
и не допеть

с кем-то в мире сродниться
а на взаимность
не уповать

жить и помнить
загадку твою им
не разгадать

«Не виноваты в том, что суетитесь...»

Не виноваты в том, что суетитесь,
не виноваты!

В розовом чаду:
«Держи!», «Возьми!», «Подвиньтесь!»,
«Расплатитесь!» —
с ума сойду!

И жизнь как будто тянет в неудачу,
как будто бы все выходы уже
затарены. На зыбком рубеже
не дрогну, не решусь и не заплачу.

Никто не виноват! Я виноват!
В распахнутую дверь задуло зиму.
А город и метель несутся мимо:
такси, размокший снег и «ВЕЩИ НАПРОКАТ».

«Отражение в стекле...»

Отражение в стекле
смутно и поэтому
красиво,
ночь плотную...

«Вечер, вечер, – сизая моль...»

Вечер, вечер, – сизая моль,
упрости мои перекрёстки,
одиноким, как память и боль,
оба мы с тобой переростки.

Шаг – и зонтик царапнул асфальт,
шаг – и словно не было света,
а запотевшая сизая даль
сама по себе не даёт ответа.

Вор

Всё к одному, – не мои фонари,
не мой асфальт и сбежавший ветер.
Вечер необычайно светел,
немой снаружи и изнутри.

В лицо парашюта втиснув ладонь,
сизу обломанный, недопетый
и, кажется, всем на свете задетый,
Боже... за что ж ты меня? Не тронь!

Не пролезаю в житейский створ
со своей несуразной мерою,
верую в завтра как беглый вор.
Даже и зарезанный, верую!

«За каждым киоском каштановый взрыв...»

За каждым киоском каштановый взрыв,
и чуть не навзрыд тормозят... педерасты!
Конфликты, контрасты, усмешкою взмыв,
уходит терпенье. Баллисты, балласты...

И точно я знаю, чего я хочу,
когда ничего не хочу под Луной,
а облако тает навстречу лучу,
дождём попрощавшись со мной.

«Мне одиночество дано...»

Мне одиночество дано,
не разменять и не растратить,
и если даже крикнуть – хватит! —
в заплёванное тьмой окно,
то всё равно – ни «да» ни «нет»!
Вокруг болото спит без чувства.

Смирись разбойник от искусства
и от любви анахорет.

Неудачные стихи (поэма)

*Натуры, не приспособленные к преодолению нелепостей жизни,
суть натуры слабые.*

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Когда сквозь строи смятых строк
к началу снова возвращаюсь,
и сердца смазанный курок
ищу,
я словно забавляюсь
стволом холодным у виска,
в котором пулею – тоска.
Ствол сердца наведён на жизнь,
я вижу всё, мне ясен смысл
реченья немца-моралиста:
«Тропа твоя узка и мглиста,
когда не сможешь жизни бред
ты проглотить с похлёбкой лет».

Нет, я – не подлинный, я сделан из бумаги,
и треплет мой беспомощный скелет
тот самый свежий ветер, что другим —
в надутый парус.
Слуха моего
не достигают птичьи трели будня,
и кососкулости на блюде студня не вижу...
студень, – больше ничего.
Как кот ступаю, тихо, осторожно
по краю блюда.
Скользкие края!
Оступишься, и в студень голомя
провалишься.
А выбраться так сложно,
так невозможно оторвать себя
от липкого желе.
Страшусь упасть
в бесформенную, «ласковую» пасть,
засасывающую как утроба,
перед которой даже двери гроба
не власть – Сезам... бальзам отдохновенья!
Мне проповедуют терпенье
и отовсюду шикают: «Опасен
твой путь, беспомощен протест!
Всем – крест один!»
А я не взнуздан! Не согласен!

Мне вороват: «Не миновать беды!»,
воркуют про скупой стакан воды,
что не подаст мне в старости наследник.
Жизнь-исповедник
ужасной карою грозит,
а быт шипит: «Ты – паразит!»
Суровая цена – непониманье,
за тихое моё непослушанье:
за дни, облитые глазурью
тоски,
за всё, что пахнет дурью
с позиций положительной судьбы,
где пот, и труд, и рупь займы,
где крик детей и коммунальный грохот,
где женщины поют сквозь пьяный хохот
надрывшихся мужей,
которым лишь одна понятна доля, —
тем больше алкоголя, чем хуже.
А им хуже, им скучно и темно,
и свет отцовства – мутное окно.
Там всё не радуется, там всё не так...
там все любви, списанные в брак,
агонизируют и гаснут без надежды
в одежде кислого желе.
Её не снять!
И судороги счастья не взять
займы,
не одолжить, как соли,
той боли сладкой и заветной,
что манит душу безответным:
неведомою лаской, чёрным небом,
рассыпавшимся, как сухая корка хлеба,
на крошки бледные светил,
летающих среди вечных сил
и равнодушных созиданью
и разрушению.
(Лишь вечное блужданье
материи в материи.)

О, нет!
Ненстоящий я. Я сделан из бумаги!
И прогибается мой клееный скелет
под нерушимостью слепой отваги,
влекущей молодость в объятья быта,
в теплицы ежедневных сорняков,
в тенета нерасчётливых обетов,
в заветов отчих битые корыта,
которые, приняв за корабли,
она ведёт навстречу долгой смерти,

ведёт так медленно, так повседневно,
что жизнью кажется задухи коловёрть.
А смерть смыкается за спинами, как шлюзы,
карнает век и налагает узы
на совесть,
на руку,
на шею,
на любовь...

Мы умираем долго, вновь и вновь
перед оскалом каждой новой смерти
оказываемся полуживыми,
стучимся в завтра душами пустыми,
но стойко мрём, придерживаясь тверди
заученных измлада заклинаний, —
наследий звонких и пустых,
— что надо жить,
что жизнь не терпит холостых,
что вовсе не души твоей погода,
а продолженье рода
суть цель твоя и суть,
что благ тяжёлый путь,
что как-нибудь состроишь счастье ты,
не допускай лишь пустоты, —
бездельности,
бездетности,
безлюдства
и прочего душевного беспутства!
Неотягчённости страшишь
и помни, — только то ешь жись,
что — в бремя,
в тяготу,
в заботу!
Сопровствуйся, жди субботы
и воскресения за ней,
чтобы замучивших цепей
чуть приослабить натяженье,
чтоб напряженье снять:
на час, на день
вкусить безделие, и лень,
и ланей, — символы желанья, —
узреть как некий сатана...
Увы, хоть пауза дана, —
не впрок тебе очарованье!
Назавтра — каторга опять.
Ты начинаешь размышлять
и понимаешь, — всё напрасно,
а праздность вольная опасна
твоим трудам, твоей семье
и прочей тусклой кутерьме,

которую зовут судьбою,
а надо бы тюрьмой назвать.
Там можно, разве что, зевать!
Наедине с самим собою
в неё давно не веришь ты.
Она лишь рупор пустоты,
калика с тощею сумою.

И как запуганный Нептун
заныриваешь под корягу,
и по морщинам фазы лун
считаешь, кутаясь в отвагу,
не сознаваясь сам себе,
что прозябаешь в пустоте,
что жалок ты, что почернели
твоей невинности цветы,
что среди нудной маеты
расстроились и поглупели
«рассветов бледные свирели»,
что весь твой юношеский вздор —
на дне души осевший сор.

Таков ты, бледный и немой,
и настоящий рыцарь быта,
в котором всё поперебито.
О чём же говорить с тобой?
О празднике?
О спазме счастья?
О благотворности ненастья
для оторвавшейся души?
О том, что суета – гроши?
О чём?
О творчестве? О боли?
А может, о посконной доле
карабкающихся на шест,
у жизни вырвавших борьбою
лишь право грустное на крест?

О чём заговорить с тобою?
И что с собою делать мне,
не приспособленному к тьме?

С добропорядком не в ладу,
среди людей я как в аду.
Или хочу я слишком много,
или сужу уж слишком строго,
а всё приюта не найду
в саду общественной морали!

Нет на Моисеевой скрижали
слов для меня...

Поэты

Мы всё простим, мы всё забудем,
настанет время мирных снов.
Мы в завещанье добрым людям
оставим бред своих стихов.

Мы насладимся красотой,
переполняющей сердца,
но вечным тихим сиротою
останется печаль творца.

А день погонит петушино
с калиток заспанных котов,
и, распрямясь, вздохнут пружины
в матрасах тех, кто в путь готов.

Заржёт металл в глубинах века,
и люди, сонны и глухи,
легко смахнут былинкой с века
уже ненужные стихи.

И в новый свет!.. И мимоходом,
не сожалея ни о чём,
пройдут бестрепетным народом,
едва коснувши нас плечом.

Гениальное

Уходи!
И не приходи никогда!
Пусть – пилой по гортани года,
пусть откроются гордо и рвано
былые и новые раны.
Как маки на ложе бежавшего сна
просыплют они семена.

Пусть!
Я лягу на это ложе!
Ничего, что десну защежит десна,
когда чёрными зёрнами в кожу
боль войдёт, горяча и красна.
Это и будет весна.

«Вечность неслыханно тронула листики...»

Вечность неслыханно тронула листики
венчиком жарким и запахом тела.
В вашем присутствии мне не до мистики, —
холодно и неуютно без дела.

Хоть прикоснитесь ладошкой осеннею!
Выцветшему и уже переспелому, —
тесно отпущенное воскресение.
Холодно и неуютно без дела.

Только скучают на холоде пальчики,
вашей перчаткой лишь буду обласкан:
не останятся бледные мальчики,
не зазевается розовый плакса.

Я поцелую Вас, память о юности,
Вы отшатнётесь – «А ну-ка, посмей-ка!»
и обопрётесь без видимой лютости
об эту тонущую скамейку.

«Сколько мне ещё осталось...»

Сколько мне ещё осталось,
кто сочтёт, доложит кто?
Преждевременную старость
втиснуть в зимнее пальто
мудрено ли, только страшно,
что под ватой шурша,
вдруг забредит о вчерашнем
неотжившая душа.

«Как ни крути, а жизнь пройдёт...»

Как ни крути, а жизнь пройдёт,
проямлит стариковским бредом
и недоеденным обедом
невозвратно загниёт.

Среди распушенных кудрей
что возвратит мне чувство смысла?
А под изгибом коромысла —
улыбка кротости твоей....

«Предчувствую весну, предцарствую любовь...»

Предчувствую весну, предцарствую любовь,
и лужами зеркал, как Эрмитаж, обвешан,
сплю – не усну, зеваю вновь и вновь,
застигнут робким маревом черешен.

Предвижу долгий путь, подозреваю свет,
на «да» и «нет» не разделяю схиму,
споткнусь чуть-чуть и лишь моргаю вслед
двум парам юных лун, проплывших мимо.

Антиалкогольное

*Забывать? – забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!*

М. Лермонтов

Разбейтесь пальцы о стакан,
а вечер пьян, а ветер рван.
Наверно прожит был не зря
день без тебя, день без тебя.

Пить? Но «забвенья не дал Бог»,
а город пуст, а полог строг.
Наверно этот дом не зря
так чист, так тесен без тебя.

Стихи и песни, – всё не в лад,
не позовёт меня мой сад,
и бестолковщиной казня,
день без неё как без себя.

Брось, парень, не трусь, пройдёт,
и снова она придёт,
и арктику плеч твоих тронет
тропиками ладоней.
Завьюжит надеждой тоскливый ад
и опять уйдёт невпопад.

День без неё как без себя,
и бестолковщиной казня,
стихи и песни, – всё не в лад,
и не зовёт меня мой сад!

А вечер пьян, а ветер рван,
и город пуст, и полог строг...
Пить? Но «забвенья не дал Бог», —
разбейтесь пальцы о стакан.

«Сад вечерний, вечный сад...»

Сад вечерний, вечный сад
мне сегодня не в отраду!
Ты уводишь в сон из ада,
а во сне всё тот же ад.

Час падения звезды,
час молчащего фонтана, —
то ли поздно, то ли рано,
то ли рана от узды.

Аж звенит вожжа в горсти,
тихо вянут бденья тени,
куст обугленной сирени,
как засада на пути.

Иду

Мне непонятен каждый шаг,
нет соглашённости с движеньем.
Я только знаю, что иду...
невесть, какое одолжение!
Бег времени – обратный ход,
день за день, месяц, новый год,
тоннель, вокзал и сожаленье,
что проиграл ещё весну,
и тут же, как всегда, ко сну.
А облака посеют осень
на недопонятый рассвет.
Из-под сургучных эполет,
в конце концов, пробьётся проседь,
и штемпелей ареопаг
бумагу обанкротит фактом,

но факт не урезонит шаг,
а только даст название тракту.

«Отчего стало быть тяжело...»

Отчего стало быть тяжело?
Оттого ли, что сил не собрать,
или кто-то незримый опять
мне тихонько подрезал крыло?

Отчего стало трудно дышать?
Оттого ли, что ветер невмочь,
или просто под камнем лежать
невозможно в холодную ночь?

«...мне тихонько подрезал крыло...»
«...или просто под камнем лежать...»
Оттого стало трудно дышать,
оттого стало быть тяжело.

«Пялюсь, пока законная ветка...»

Посвящается Д.

Пялюсь, пока законная ветка
не выколет глаз. Зима.
Просветы и далеко и редко,
а в основном — дома.

Могу (если очень захочется),
у ветки спросить — за что?
«Да за всё!»
Ничего-то мне не отсрочится —
ни вечное бытие,

ни просто яма, умело обкусанная
в четыре штыка лопат.
Может, поранит осень закутанную
гвоздями дубовых лат.

Дунет монетным звоном с ветвей
воробынью мелочь крылатую,
и уйдёт человек с лопатой
от могилы моей.

Ялта (Из цикла)

1

Горсть пены – это счастье на минуту,
а результат – лишь мокрая ладонь.
Перед тобою вечная гармонь,
её меха инерцией надуты.

Сиди на лавочке и нажимай
на клавиши посредственной погоды.
Сухие пирсы – мшистые уроды...
оно их обтекает невзначай,

и галькой шевелит на берегу,
и путается с мелочью пузатой,
совсем не замечая на бегу
трагические радости заката.

2

Штиль, мальчики, стеклянные шары,
вечерний полудиск и всё такое...
Бред тихой пристани – условие простое
незаинтересованной игры.

Как будто ничего... но меньше слов
на том же месте, где их было много,
а истина, она всегда *убога*,
а вечер в Ялте... он всегда не нов.

3

оно не понимает что живое
и думает что мёртвое оно
ему чужда эстетика покоя
и непонятно что такое дно

но окольцованное берегами
ещё не осознавшее границ

уже давно расчерчено веками
течениями и косяками птиц

4

Синеет, узится, молчит.
Как по команде – кипарисы.
Фонарь вчера ещё разбит,
Под ним коты, а может, – крысы?

Мычит маяк, как мастодонт,
струи плавники рептилий,
и совершенно без усилий
ночь отменяет горизонт.

5

Шершавый Понт пасёт свои стада,
отмахиваясь, как от мух, от чаек,
а я сегодня-завтра уезжаю,
и так обидно, будто – навсегда.

Уже идти, а что-то не иду,
и плакать не могу (спасибо ветру!),
ещё дышу последним полуметром
у подступившей соли на виду.

Извлечения (Из цикла)

*

Я вижу ласточку в наборе
ветхозаветной тишины,
и солнце побеждает в споре
и мы должны... да, мы должны!
А что?..

*

Заволокло! Обиженные горы,
невольность опрокинутых надежд,
Рассудочная грамотность природы,
Несбывшийся загар.
Заволокло...

*

окно и кипарис и даль
от синевы раскосый прищур бога
и под окном загадка трёх морей

*

Твои слова знают правду
мои – красоту.
Кто из нас виновен больше?

*

Кораблик измеряет просинь,
и что-то медное дрожит,
не договаривая осень...

*

Та, которая... та далеко,
а ласточки ветхозаветны.
Синева...
Бездорожье назад.

«Слагать мелодию, пленяться стихосказом...»

Слагать мелодию, пленяться стихосказом,
не понимая как и отчего,
и видеть всё смутнее с каждым разом
черты предназначенья своего.

Так вымысел блуждает без ответа,
втирается в зелёное сукно,
и, изгнанный за двери кабинета,
спокойно возвращается в окно.

«Догорит и день, и час...»

Догорит и день, и час,
и минута испарится.
Ночь, — чернильная царица, —
приберёт недобрых нас

словно крошки на столе.
В завтрашней распутной дрёме
я очнусь, как на соломе,
на сегодняшней золе.

«Зима на улице и что-то, вроде...»

Зима на улице и что-то, вроде...
и черви в бороде.
Их сытый клин
не оставляет места для седин.
...как крест распятого на огороде, —
штанины — знаменем,
а фалды — хомутом.
Потом, потом, ребята...
всё потом!
И совесть, и раскаянье в народе,
и памятные пляски в хороводе...
а нынче в моде
простое положение — крестом.

Переулок

Подожди меня, переулок,
не кради мои фонари!
Я – заложник в плену прогулок,
сохрани и не торопи.

Я сверну, сверну, будь уверен!
Завяжу вот только шнурок.
Всё равно, я уже потерял
на весь окаянный срок.

Я – твой из самых заблудших,
из самых отпетых повес.
Штательник, стервец и – лучше —
застрявший в детстве балбес.

Расставание

Утро, Ялта, шелест пены,
тайный страх невольных слёз,
и в природе перемены,
хоть не иней, не мороз.

Солнце с набережной дружит,
небо празднует успех,
и народ живет, не тужит,
только нам с тобой – не в смех.

Точностью минут парадных
распинается табло,
знало, знало бы оно,
как на сердце безотрадно!

Как мне горек твой висок
за минуту до разлуки
и какие это муки —
от «Прощай!» на волосок.

Тронешь белую перчаткой
рейса мутное окно,
и улыбкою, и складкой
тихой муки. Всё равно

неизбежно рейс отчалит,
увозя тоску мою,
и тебя тоской ужалит
и оставит на краю.

Где-то Ялта, – шелест пены, —
издалече не видна.
Между нами горы-стены,
я один и ты одна.

Выдумка

Вздригнуло окно и покосилось
неустойчивым распятием рамы,
незабудкой в воздухе носилась
некая мифическая дама.

Панорама города исчезла,
и поляны залило цветами,
мы не изменили позу в креслах,
кресла изменили её сами.

Вздулись как-то вдруг и побелели,
и, вонзив ладони в их бока,
рассмеялись мы и полетели,
осознав, что это облака.

Но внезапно дама отвернулась,
и распятие рамы устоялось,
панорама города вернулась,
будто ничего и не случилось.

«Я не вижу раздела...

Я не вижу раздела
между морем и небом.
Всё туманы, туманы...
Не единым же хлебом!

В самом деле, не вижу...
С высоты небоскрёба
всё в порядке на море,
чайкам в небе уютно.

Я не вижу просвета,
я не знаю ухода.
Холода и свобода —
два горелых листка.
(и молчат пароходы)

Жизнь — кошмарная проба.

С высоты небоскрёба
всё — химеры... химеры...
неистрёпанность веры
(от гудка до гудка)

Я не знаю ухода,
я не вижу просвета...
(всё молчат пароходы)
...начинается лето.

Мы с тобой

(Тристан и Изольда)

Свеча стерилизует никотин,
а мы с тобой, какие-то там двое,
сидим... летим на пламя золотое
и с этим днем расстаться не хотим.

Рубашка неба выдернулась краем,
задрал восходу розовый живот,
а над свечою ночь ещё живёт,
лишь засыпая, медленно светаем.

И думаем, что всё ещё не спим,
И даже спим – всё помним друг о друге,
И часто просыпаемся в испуге,
И с наступившим знаться не хотим.

«Пойми, – я только человек!...»

Пойми, – я только человек!
И горы падают в кальдеры.
Кончается двадцатый век,
и он кончается без веры.

А я стою почти в конце
времён и моего отрезка,
уже – не в фокусе, нерезко...
И только мысли об Отце,

и только просьба – пожалей!
Как в детстве перед наказаньем.
Тебе дано иное знание —
и Скорпион, и Водолей...

Я трушу, трушу! Дай испить,
но вынь из чаши скорпиона!
На голове моей – корона...
Мне хочется её разбить.

Два московских этюда

1

затухание пламени резкая смена
одинокчества на осторожный приют
оплывают как мыло цветочные стены
теснота

разве только ботинки не жмут

но Москва не очнётся от сна полоумного
но вокзалы дрожат на разжатой руке
но мазутные утки текут по реке
над которой гудка голова многотумная

2

Облака над Москвой, облака!
Мне всё снится твоя рука.
Жизнь проходит и тихо сочится
в берегах посеребривших река.

Я не знаю, что ждёт впереди!
В неразборчивое идти
так не может, а придётся...
Что же, милая, нам остаётся
собирать светлячков по пути.

In vino veritas

Пей да востри ухо – истина в вине!
Есть что ведать слуху в тайной глубине!
Поминаний смута... совести угар...
стихнет на минуту – и опять пожар.
Сколько перепито сладкого вина,
но тверда, как бита, горькая вина.
Спрячешь ли обиду, убоишься ль дна —
вроде разное с виду, а вина одна.
Если камни в почках, если яд-слюна,
от вины уж точно, а не от вина.
Жизнь – каменоломня, сносная вполне.
А придавит, помни – истина в вине!

«Всё меньше дней, всё больше строчек...»

Всё меньше дней, всё больше строчек...

Я жизнь меняю на стихи.

Круг маяний и проволочек —
на бормотанье чепухи.

На горечь стиснутой молитвы

о вас, которым невдомёк,

на лезвие опасной бритвы,

на заиканья шаткий слог,

на преданность листу бумаги,

на лупоглазый взгляд совы,

на одиночества овраги... —

на тьму, в которой спите вы.

«Всё на свете безбрежно ранимо...»

Всё на свете безбрежно ранимо
и безбожно защищено.
Все дороги уводят из Рима,
тихо крутится веретено...

Грустно, время не стоит разбега,
жизнь – не вымысленная беда,
эта бледная, бледная нега,
эта в небе разбитом звезда.

«Что вечер принесёт – отнимет утро...»

Что вечер принесёт – отнимет утро.

Я заточён в отмену всех начал —

качанье дня и даровой причал

ненужности. Беспомощная сутра

простого жития.

Вердикт потерь,

остывшее, которое несложно,

И то, чему ещё поверить можно,

косясь на нарисованную дверь.

«А где-то дышала деревня...»

А где-то дышала деревня,
бежал по пятам ветерок.
Там было новей и напевней,
там не было лишних строк.

Панама кудряшки хранила,
веснушки глаза стерегли,
в огромные уши сносила
мне жизнь перезвоны земли.

Мелодия лишь начиналась,
но с шелеста пелась верней,
и детство мне вечным казалось
под облаком веры моей.

«Чей-то добрый совет...»

Чей-то добрый совет:

«Не заглядывай в сны!»

Только больно спросить —

что ...травинка в подоле?

И в моей по-собачьи заточенной воле
поезда, запах шерсти, издержки весны.

Ровный кат на проторенном *рельсой* ремне,
у железных копыт тоже ритмы не строги,
а у сердца — ты знаешь — четыре дороги,
ни одна из которых не нравится мне.

«Источник света – дальняя звезда...»

Источник света – дальняя звезда,
источник боли вовсе ниоткуда.
Нет избавления, но нету и следа,
всё исполняется, как горькая причуда.

Растает вдруг и снова заметёт,
бубнит, бубнит... не разобрать ни звука,
источник света – внутренняя мука,
источник боли – сбывшийся полёт.

«Всё кануло, всё прожитое кануло...»

Всё кануло, всё прожитое кануло,
и только это чувство запеклось —
два взгляда в пол,
две острых боли в гранулах,
моя вина, её испуг и злость.

А в стороне дождливою собакою
дрожала наших счастий новизна
и лапою скребла, и тихо плакала
жизнь, просыпающаяся от сна.

«Нисхожу восхожу...»

Нисхожу восхожу
честность догма и плен
черезмерность
взамен
онемень колен

Мысль подобна ужу
завтра было вчера
ты прозреешь
с утра
мне пора мне пора

Вечера на прокорм
тени заданной мглы
неудобства
иглы
и углы и углы

Неотчётливость форм
не проси не решу
мысль подобна
ужу
не вставай
ухожу

«Изваяние дня, тоскование, вечная милость...»

Изваяние дня, тоскование, вечная милость...
не сгоревший дотла на груди,
но оплавленный крест.
Малость выжила, всё остальное приснилось
и осталось во сне добрых вздохов
и памятных мест.

Почему эта стынь, эта вечная совесть
в прицеле,
и друзей отдалённых уже неразборчивый зов?
Почему как галерные вёсла скрипучи недели,
но не слышно воды и не видно ещё берегов?

Может быть, я не здесь?
Может быть, в утешенье
долгих слов, неумения, незнания сказать,
подо мною когда-нибудь скрипнет кровать,
хрустнет веточка и уведёт в пробужденье?

«Там ива на углу и солнечная прядь!..»

Там ива на углу и солнечная прядь!
Всё хорошо, мой друг, всё в неземном
порядке.

В который раз открыть свою тетрадь
и бросить семя слов на строчек грядки.

И этот навсегда желанный разговор
вновь повести с собой.
Не требовать ответа,

а просто бормотать нехитрый вздор,
нашёптанный тебе кончиной лета.

«Листья под ногами...»

Листья под ногами

...это листья, —
осень, от которой не спасусь!

«Господи, прости!» – и буду чист я?
Не загинет саламандра Русь?

Бегство, и вину, и многосутье
схороню в полуживой горсти.
Не было пути – одно распутье.
Виноват я ...Господи, прости!

«Ты уходишь вперёд, ты уходишь...»

Ты уходишь вперёд, ты уходишь
как молодость
сквозь расквашенный снег и в потёртый
туман...

Не расправь лица, не заклеить
расколотость —
нерасчётлив твой смех, бесполезен твой
поздний обман.

Я раскидан, растаян душой по сугробинам,
на распилах души накопился густеющий сок,
мне с тобой бы – в друзья, но старинную
пробу нам
не стереть на сердцах и не сдвинуть
ни на волосок

тумбы прошлого, вросшей, как горб,
в настоящее,
старой тумбы с тугим и знакомым замком.
Часто, милая, и чем больней, тем настойчивее
хочется вскрыть её нетерпеливым рывком.

Что осталось за туго пригнанной дверцею?
 Что истлело и хрустнет, как пепел, на свет?
 И какую измерить домашнюю меркою
 то что было у нас, чего нет... просто нет?

Как-то грустно от этого, грустно и холодно,
я один, вероятно, виновен за всех...
Ну а ты – всё вперёд и всё дальше,
как молодость,
оставляя снегам нераскаянный смех.

«На дворе уже ночь...»

На дворе уже ночь
и почти тридцать пять
ни унять
ни понять
ни помочь

«Помещаю голову в шум...»

Посвящается Саше Клёнову

Помещаю голову в шум
размешательства и пространства!
Это первая книга странствий,
отворённая наобум.

Это листьев пожёлтый дым,
это смертная грусть пианиста...
Спору нет, в эмиграции чисто!
Вот здесь ты и станешь седым.

Кем-то проклятый как еврей,
кем-то признанный, как художник,
у каких-то чужих дверей...

бесполезной жертвы треножник
у поваленных алтарей.

«...и руку дай!...»

...и руку дай!
Молчи и не смотри.
Пускай слезу разбрызгает ресница.
Она не оттого, что счастье снится,
А оттого, что влажно изнутри.

«О, Господи, опять весна!..»

О, Господи, опять весна!
Опять терзанье взбухшим жилам,
и всё уже мне не по силам —
только бы вырваться из сна.

Лечь на асфальт, как сонный уж,
змеясь, разлиться на пригреве,
и в грязно-снежном перепеве
услышать кровь кипящих луж.

И снова – как и всякий год —
с необъяснимым содроганьем
постигнуть собственным касаньем
немую правду этих вод.

«И не вижу себя и не знаю причины...»

И не вижу себя и не знаю причины,
по которой мне нужно и стоило б жить.
В длинном зеркале длинно свисают штанины,
но не повод же это собой дорожить.

А под крышкой остывшей моей головы
облака потихоньку шуршат о разлуке,
о безвластии слов, о параличе муки,
без которой и сердце – не сердце, увы.

«Если было обещано...»

Если было обещано,
значит надо забыть.
Не спасает от вешего
васильковая прыть.

Тихо оттепель капает,
измождая весну:
скрип да скрип косолапою
как по сну по окну.

И надеяться можно бы,
и пенять тяжело.
Сколько свету безбожного
на зрачки налегло!

Разве только околица
и оранжевый шар?
Детство пёрышком колетя
сквозь измятый пожар.

Но и крикнуть не хочется,
и не смочишь щеки,
и холодная мочица,
не поманит руки.

Это прелые листья ведь —
тихих тайн вечера —
невозможная исповедь
золотого пера.

Возвращение

Прислониться к дождю,
многострунной преграде
между мною и мной,
поравняться с водой.
И уйти, и уйти,
и уйти, бога ради!..
через рожи решёток
в подземь и покой.

Пошнырять ещё где-нибудь
в гулких проходах,
обменяться мечтою
с плывущим дерьмом,
но уже не узнать себя
в створках восхода —
ни сейчас, ни потом,
ни на небе седьмом.

«Печалишься?..»

Печалишься?
Не знаешь как?
Измучен тяготой рассудка?

Стол не пробьёт литой кулак,
от муки не избавит шутка.

И я не знаю, милый мой...
молчу, всё жду желанной встречи.

Терпи! Не липни к дню душой
и зажигай почаще свечи.

«О, сколько вам ещё придёт...»

...морями, которым конца и края...

И. Бродский

О, сколько вам ещё придёт
позорных поздних красноречий,
и реки черни нанесёт
на валуны остывшей речи,

и в глубине распухших утр
припомнится темно и свято
всё то, чем был когда-то мудр
поэт, которому возврата...

Которому был тесен дом,
одежда, имя, – всё пустое.
Который слушал дальний гром
и мерил решето водою.

«Учиться в осень тихую войти...»

Учиться в осень тихую войти
и, наступив на шорохи, не смяться —
пускай и сны тебе уже не снятся,
пусть даже не маячит впереди!

Учиться жить, учиться доживать,
учиться умирать, а не родиться,
учиться перелистывать страницы,
где нечего и нечем записать.

«Я вас покину на немного...»

Я вас покину на немного
на самый маленький чуть-чуть
вздохнуть вспорхнуть но ради бога
лишь только не тревожить суть

В зелёном углу

Что там, за листвой, обожжённой лучом?
Как зелено сердце заката...
Мир вымыт, надушен и светел лицом,
цедит первородное золото.

А в этой тени, где томится скамья
и скачет знакомая птица,
всё просто и коротко – я и не я...
Здесь можно во всём усомниться.

Здесь бредит догадка и бродит душа,
теряя инерцию бега.
Здесь тайна касается карандаша,
здесь куст проповедует негу...

... и всё. И уже безразлично, что Бог
листве не добавит качанья.
Что – Бог? Если мир измениться не мог,
то встреча не стоит прощанья.

Ночная маета

...и штык, упёртый в дно перегородок,
не разомкнёт глаза, зажмуренные встык!
Треножник позвоночника и рук,
несущих подбородок, робок.

Потеря чувства меры в монологе
слегка разочаровывает...
пусть!

Путь ночи свой налог взимает
терпением,

а логика молчит....

Окно звенеть не умолкает,
редее небо под напором звёзд.
Одним отклеившимся краем
оно пропущено сквозь мозг,
а мозг уже разводит утро,
и мудро просветляя день,
накинув дрёму на плетень,
необязательностью чая
охотно делится со мной...

Я не был узнан тыльной стороной
ладони.

Даровым упором
бессовестно воспользовался, но
остался если и не вором,
то анонимом всё равно.

И звёзды высыпались мимо,
минуя дно.

«Сидеть при свече...»

Сидеть при свече
и думать о том,
что кончилось «до»
что будет «потом»...

Живое ничто
не ищет границ,
там дышит ещё,
здесь падает ниц.

Там шёпоты дня
надежда и свет,
где нету меня
где ясен ответ,

а эта свеча,
дающая дым,
как вздох палача
над ухом моим.

«Разведён навсегда...»

Разведён навсегда
с самой близкой мечтой
невозвратный герой
лишний птенчик гнезда

ни гроза ни потоп
просто падало вниз
в зябь утопанных троп
в дым укошенных риз

видел свет падал в ночь
тыча лапками вдох
и упал не издох
и поднять не помочь

только молча стоять
птичья дрожь на груди
только теплить и знать
всё что есть – впереди

«Кто ответит за нашу тоску...»

Кто ответит за нашу тоску,
пронесённую нами, как знамя?
Кто тоской изойдёт по стиху?
Кто умрёт и воскреснет стихами?

«Я качался в далёком саду...»
Бедный Осип, святая Марина...
Поддаётся ли облако сплину?
Подлежит ли рыданье суду?

Или всё пустоте подлежит,
сроку честному и гробовому?

Где вы мучились, – камень лежит
и тропинка пытается к дому...

«Закон дождя закон слепых окон...»

Закон дождя закон слепых окон
закон невероятных отражений
лишь выдох ветра миру разрешён
и этот до конца бессмертный гений

закон стоячих луж сухих глазниц
не открывающих закона взгляда
закон высоких птиц последних птиц
которым ничего от нас не надо

закон предательства и торжества
закон скамьи и осени над нею
незыблемый законом
закон всего того чем я владею

Песенка белогвардейца

Ах, Николетта, – старый сон, —
слепой, ненастоящий!
Я помню менуэта звон
в дыму свечей чадающих.

Ах, Николетта, – старый мир, —
как кружево прозрачен.
Я – чудом выживший сатир
и как сатир дурачлив.

Я только вежливый Силен
у сломанной берёзы,
я помню пот твоих колен
сквозь запах туберозы!

Ах, Николетта, сколько лет
от юности до смерти!
Давно изношен менуэт
и кружева, поверьте!

Уже давно на «вы» с судьбой,
я в хрусталях размножен,
желаний, умерших с тобой,
не выхватить из ножен.

Без кружев, шпор и эполет
не стало в жизни перца!
Ах, Николетта... сколько лет
от юности до сердца.

«Мы не знаем России...»

Мы не знаем России,
мы чуем Россию —
голубые проклятия дальних небес,
и прозрачное слово, и подошвы босые,
и ореховый тес,
и осиновый крест.

«Мне не пишет отчаянье писем...»

Мне не пишет отчаянье писем,
и тоска не глядит из угла.
Я от жизни вполне независим,
а все мысли о смерти – зола.

И плыву я в чистейшем эфире,
отворив мирозданию уста, —
веки сомкнуты, пальцы на лире,
помрачительна и пуста

мне навстречу вселенная дышит,
женской грудью прельщая полёт,
но певец не глядит и не слышит,
в тёмном сердце поэзии лёд.

Серпентарий

Струйка дыма поднимает голову,
как кобра из хрустального короба.
Зрачки ужалены.

Круг

Мне снится, что снится ей...
Ей снится... ей что-то снится!
Свой путь совершает ресница,
слетев из-под пальмы бровей.

И снится реснице сон
о крепко смеженных веках,
о тайне, что спит в человеках,
без сроков и похорон.

Сон

...воображаемого счастья
полураскрытая постель
 гудящий шмель
 и хмель твоих колен
плен нереальности
 и музыка запястья...

Навсегда

Кто может знать, что с нами будет
перед разлукой навсегда?
С ресниц упавшая вода
нас обожжёт или остудит?

Какой печальный оборот,
какое тонкое дрожанье, —
всё это долгое молчанье,
в улыбке онемевший рот,

и оторвавшийся перрон,
и полетевший под колеса
«Напишешь...?» — твоего вопроса
обрывок. Под вагон, вдогон.

Ещё не скоро, не теперь
пятно чернильное проступит,
и на сердце свинцово ступит
час предназначенных потерь.

Он выльется вагонной лентой, —
на стыках кровь, как на зубах.
Вот вам судьба интеллигента,
вся не за совесть, а за страх.

Забыта жизнь, перо и песни
во имя призрачной мечты:
«Пусть погибну!...», даже если
меня не похоронишь ты.

Нелепо искривятся губы?
И подступит к глазам вода?
Кто может знать, что с нами будет
перед разлукой навсегда?

Эмиграция

1

Знакомый двор,
Последний шаг,
Далёкий путь,
Незримый берег.

Животный страх – застывший Терек.
Ты сам себе и бог и враг.

2

Уехать? Да, уехать, может быть...
А что ещё нам остаётся?
Отчаявшись напиться из колодца,
я уезжаю... просто, чтоб не быть.

Я уезжаю на исходе сил
изведать отрезвляющую небыль,
и хоть никем в России не был,
припоминать, кем я в России был.

«Перекрёсток моей Германии...»

Перекрёсток моей Германии —
перепутье недолгих лет.
Те же голуби в этом изгнании,
мостовые и парапет.

Что ж, присесть, подышать поминанием,
без тоски унимая дрожь,
под наркозом непонимания
повторяя святую ложь?

Было детство и юность краткая —
распрямление лепестков...
было счастье короткой хваткою —
не надежд, так хотя бы снов.

И неожиданный визит бессонницы
душу детскую тихо пленял.
Я с высокой моей оконницы
видел город кривых зеркал.

Город тайны и дня рождения,
веры в завтрашний долгий день...
Что теперь? Немота отрезвления?
Облака? Эмигрантская тень?

Есть решение по делу судному,
мягкок ласковый жим оков,
а дожить — наука нетрудная
под зонтом из чужих облаков.

«Душа страдает наперёд...»

Душа страдает наперёд
о каменном пороге боли, —
твоей, моей... не всё одно ли?
Душа страдает наперёд.

Ей снится смерть, ей снится сон,
оплаченный всесветной *мукой*.
Между разлукой и разлукой
ей снится смерть, ей снится сон.

О том, что было до тебя,
о том, что станет после встречи,
о миге том, что — недалече,
о крае том, где нет тебя.

«Опускается на руки мне...»

Опускается на руки мне
зелень схваченная фонарем.
Мы сегодня ещё не умрём,
мы сегодня ещё в тишине.

Нам сегодня... а может, вчера?..
Нет, не стоит копаться в душе,
потому что и смерти уже
нам седая маячит пора.

Антипатмос

Испугайся меня – синева!
Слабый взор мой прими в обвиненье!
Я не знаю, какие слова
могут тронуть твоё онеменье.

Я не знаю, каких соловьёв
ты ещё ожидаешь со скуки.
Что тебе поднебесные звуки?
Ты и так уж полна до краёв.

Ветер, посланный с высоты, —
отвержение или участие?
Вечность кончится в одночасье,
и подёрнешься пурпуром ты.

Смоковница уронит плоды,
поразив и тщедушных и сильных,
треснут знаки на плитах могильных
и в колодцах не станет воды,

и пролает околицей зверь,
и блудница как выпь прохочет,
но никто сосчитать не захочет
ни грехов, ни заслуг, ни потерь.

«Крыши ...крыши – в окошке глубоком...»

Крыши ...крыши – в окошке глубоком,
а там – дворы и дальнего провода нить.
Во мне моя комната умещается только боком —
кокон человека, когда-то желавшего
жить.

«Резвое и некошеное...»

Резвое и некошеное
след в примятой траве
детской макушкой ерошенная
проседь на синеве

память о невозможности
сладкое бремя век
всё что из осторожности
перезабыл человек

две простых вероятности
соль на стекле на щеке
память о невозвратности
и семафор вдалеке

«...и ещё я помню шпалы...»

...и ещё я помню шпалы,
дальний говорок земли.
Шлёпал стрелочник устало,
поезда куда-то шли.

Сокровенность – тайная сердца —
та вагонная скамья:
потайная в сердце дверца
мама, бабушка и я.

Утешение

Томишь себя, улыбку жизни ловишь
в зелёном взмахе каждого листа.
Боишься – оборвёт на полуслове
смешная погребенья суета?

Твой путь есть страх: уютное подложье
коротким снам не унимает боль.
Ты весь покрыт, как солью, липкой ложью,
в забвениях – бог, а в пробужденье – ноль.

И в зеркала ты смотришь с отвращеньем,
то вдруг кокетлив, то зачем-то груб?
Утешься, друг! Всё кончится прощеньем
и тихим целованьем мёртвых губ.

Заклинание

Пусть жизнь вернётся в состояние
утробных вод предбытия!
Пусть остановится мельканье,
пусть пресечётся колея!

Назад... назад! Пускай надеждой
вольются солнце и гроза
в глаза счастливого невежды,
неотворённые глаза!

Пускай ресницы станут лесом,
где за деревьями – туман.
Пускай неясности завеса
Ещё продлит святой обман!

Пусть всё придёт в оцепененье
неявленных, могучих сил,
где небо – лишь предощущенье
и трепет налетающих крыл.

«Ляг вверх лицом, и ты увидишь небо...»

Ляг вверх лицом, и ты увидишь небо.
Оно всегда и было над тобой!
Каштаны – две зелёных булки хлеба,
намазанные густо синевой.

Ляг вверх лицом... как велика картина!
Как плавлен взмах случайного крыла!
И воды облаков стоят, и льдина
тяжёлой тучи мимо проплыла.

Уйми дыхание... послушай лето,
которое лишь терпишь, не любя,
и ветерок, что возникает где-то,
в какой-то дали, ищущей тебя.

«Облака, вы мне родичи странные!..»

Облака, вы мне родичи странные!
Чем, не ведаю, только сродни
мне дороги небес караванные,
голубые ли, злобно туманные,
нитью вдетые в долгие дни.

Я за вами слежу без понятия
о причинах ветров и воды.
Вам одним раскрываю объятия,
и от вас лишь ищу благодати я,
от земли ж опасаясь беды.

Думой дикою, призрачноокою,
отрешаясь от воли к вражде,
с облаками мне плыть бы в далёкое,
занавесив звезду поволокою,
растворяясь слезами в дожде.

«Известность совсем неизвестных вещей...»

Известность совсем неизвестных вещей:
скрип двери, движение задёрнутой шторы...
Конечно же, ветер, конечно, не воры!
Заглянешь – да пусто там, пусто, ей-ей!

Отчётливость очень туманных начал:
дрожанье живого надмирного блеска,
чернилами вод усечённая леска,
заснувший рыбак,
затонувший причал...

Не стоит тревожить округлость Луны.
Не стоит искать уловимость тумана.
Жизнь кончится раньше, чем пенная манна
покинет оседланный гребень волны.

«Ты тоскуешь о сыне...»

Ты тоскуешь о сыне,
что не слышит тебя?
Об отце-господине,
что остался, любя?

О судьбе-незнакомке?
О друзьях и врагах?
О младенческой кромке
серебра в облаках?

Я тоскую о хлебе
и воде для души.
О спасительном небе
и целебной глуши.

О минуте признанья
и молчанье в ответ...
О ненужности знания
поучительных лет.

Я тоскую о мире
в разведённых мостах,
о загубленной лире,
о заветных местах,

давших нашей гордыне
первой юности цвет,
ждущих нас и поныне
там, где нас уже нет.

«Луна, одетая барсучьими мехами...»

Луна, одетая барсучьими мехами,
в любовницы к вам метит, господа!
Уже и постелила города
и воды с наклонёнными лесами.

А мне – лететь! Навстречный полёт
так близок, ночь вершит себя в низинах,
край света обрезают самолёт,
и пахнет мир сожжённой резиной.

«Ну, как могут жить поэты?..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.